

I. Горы как исторический и геокультурный феномен. Проблемы этнорегионалистики горных территорий

Культурно-географические аспекты модернизации горских обществ Северного Кавказа: исторический опыт и постсоветские тренды

Стрелецкий Владимир Николаевич,

доктор географических наук, заведующий Отделом социально-экономической географии
Института географии РАН (Москва, Россия), профессор Научно-исследовательского
университета Высшая школа экономики (Москва, Россия)
ORCID 0000-0002-5359-3124; Researcher ID: D-3417-2019
vstreletski@mail.ru

*Работа выполнена в Институте географии РАН по теме Госзадания ИГ РАН
«Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных транс-
формаций: внутренние и внешние вызовы»,
№ 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).*

УДК 911.3

Аннотация. Задача статьи – геоисторический анализ некоторых культурно-географических аспектов модернизации горских обществ на материалах Северного Кавказа. Сравниваются тренды и историко-географические особенности модернизации традиционных горских сообществ на разных исторических этапах и в разных этнокультурных макрорегионах Северного Кавказа. Оценивается влияние модернизации на соционормативную культуру горцев в разных регионах Северного Кавказа, роль конфессиональных факторов, а также межклановой конкуренции и сдвигов в традиционной клановой структуре как регуляторов процессов модернизации общества. Особое внимание уделено социокультурным трендам постсоветского периода (1991–2023 гг.) в контексте произошедших за это время этноструктурных, этнодемографических и этнотерриториальных сдвигов. Обсуждаются перспективы социокультурного и социально-экономического развития республик Северного Кавказа сквозь призму разных факторов и культурно-географических особенностей процесса модернизации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горские народы, модернизация, этническое расселение, этнодемографические и этнокультурные сдвиги.

Введение. Горский Северный Кавказ вместе с примыкающей к нему с севера частью предгорно-степной полосы – один из самых мозаичных этнокультурных районов мира. К тому же это лишь часть мультицивилизационного Кавказского макрорегиона, включающего еще степные районы Северного Кавказа, с преобладанием в структуре насе-

ления этнических русских (Ставрополье, Кубань, Донское Понизовье), а также независимые государства Южного Кавказа.

Кавказ (как Северный, так и Южный) часто справедливо именуют этнокультурным перекрестком и узлом междивизиационных взаимодействий. И в древности, и в Средние века, и в Новое время его неоднократно накрывали волны миграций народов разного происхождения и разного культурного круга; миграции, метисация и культурная диффузия породили уникальный, по мировым меркам, синтез культур и чересполосицу разных образов жизни. Горцы Северного Кавказа восприняли ислам именно благодаря его проникновению с юга, из ранее исламизированных регионов Азии. Именно через Кавказ на протяжении многих веков происходило культурное и политическое продвижение Османской империи с юга на север и Российской империи с севера на юг. Кавказ стал ключевым территориальным звеном, связующим Россию и русскую культуру с Передней Азией, Ближним и Средним Востоком и далее с некоторыми другими регионами Старого Света. Народы Южного Кавказа имеют продолжительный исторический опыт проживания вместе с россиянами в составе единого государства; в его странах (Грузии, Армении, Азербайджане) и поныне достаточно широко укоренены русский язык и русская культура.

Задача статьи – геоисторический анализ некоторых культурно-географических аспектов модернизации горских обществ на материалах Северного Кавказа. Территориальным полигоном исследования выступают современные республики Северного Кавказа – и входящие в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) Российской Федерации (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия), и относящаяся к Южному федеральному округу Адыгея.

Этнокультурная специфика региона. Этнографический плюрализм Горского Северного Кавказа во многом обусловлен местными физико-географическими условиями, разнообразие которых предопределяет различия образов жизни. Природные рубежи отражены в географии культуры Горного Кавказа намного отчетливее, чем в мегаядре России. Его геопространство структурировано принципиально иначе: здесь нет единого центра и периферии, нет плавных, постепенных переходов, но

есть мозаика культурных миров, большей частью локально замкнутых и соперничающих [12].

В макрорегионе есть несколько автохтонных этнокультурных очагов – Адыгский, Вайнахский, Дагестанский. Населяющие запад Кавказа адыгские народы – это имеющие свои национальные республики кабардинцы, черкесы, адыгейцы, а также малочисленные абазины и шапсуги, происходящие от одного этнического корня и родственные абхазам. Среди этнологов широко распространено мнение, что адыги – это фактически единый народ, ныне разведенный по разным «национальным квартирам». Адыгские народы, испытавшие культурное воздействие Оттоманской Порты, России и Грузии, всегда тяготели к мощным внешним центрам влияния. Процессы XX в. способствовали интеграции адыгов в российское цивилизационное пространство. Однако глубинные социально-экономические и геополитические сдвиги, произошедшие в конце прошлого столетия, дали толчок возрождению многих традиционных для адыгского общества социокультурных институтов.

Другой этнокультурный узел – на востоке Северного Кавказа, представленный вайнахскими и дагестанскими этносами. Вайнахи – это чеченцы и ингуши, которых ряд этнологов считает единым народом, а в Дагестане насчитывают, по разным методикам подсчета, от 30 до 50 этносов [1, 6, 7]; из них 14 фактически официально считаются «титულными» народами. Однако субэтнических общностей со своим особым самосознанием в Дагестане намного больше; о себе как о «народах» заявляют до 100–120 разных этнических/субэтнических групп и землячеств [6].

Между Адыгским и Дагестано-Вайнахским этнокультурными регионами расположена населенная единственным из крупных ираноязычных народов Кавказа Северная Осетия – своеобразный христианский клин в окружении кавказских мусульман. Имеются на Северном Кавказе и компактные тюркские этнокультурные регионы. На западе макрорегиона они представлены карачаевцами и балкарцами – фактически единым тюркским этносом с общим языком и культурой, на востоке – кумыками и ногайцами (большой своей частью – в Дагестане).

Сдвиги в этническом составе населения республик Северного Кавказа в постсоветский период. В России именно на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI в. отмечались наиболее радикальные эт-

ноструктурные сдвиги [1, 5, 8, 12]. Сравнение данных переписей населения 1989 и 2021 гг. четко свидетельствует о тенденции своего рода «коренизации» населения в национальных республиках Северного Кавказа. Повсеместно отмечается неуклонное сокращение как абсолютной численности, так и доли русского и русскоязычного населения, при одновременном росте численности и удельного веса коренных, особенно так называемых «титულных» народов. С 1989 по 2021 г. доля русских в Карачаево-Черкесии упала с 42 до 27%, в Кабардино-Балкарии – с 32 до 19%, в Северной Осетии – с 30 до 18% (табл. 1 и 2). В Дагестане удельный вес русского населения к началу третьего десятилетия XXI в. упал до 3,2%, в Чечне – до 1,7%, в Ингушетии – до 0,7% (абсолютный минимум среди субъектов РФ). В Адыгее с ее «анклавным» географическим положением (со всех сторон она окружена Краснодарским краем, в состав которого Адыгейская АО входила до 1991 г.) русское население, в отличие от всех республик СКФО, по-прежнему преобладает (до сих пор даже абсолютно), но и там оно быстро сокращается (доля русских снизилась с 68% в 1989 г. до 58% в 2021 г.). В большинстве республик региона русские являются вторым по численности этносом, в Ингушетии – третьим (после ингушей и чеченцев). В Дагестане же они по численности уступали в 2021 г. сразу шести коренным народам – аварцам, даргинцам, кумыкам, лезгинам, лакцам и табасаранам, а также компактно проживающим на юге республики азербайджанцам; с учетом трендов постпереписного периода 2021–2024 гг., по оценкам, русские уже уступают по своей численности в Дагестане и проживающим в этой республике чеченцам.

Главные факторы этноструктурных сдвигов – во-первых, большие различия между «титулными» этносами и славянским (русским, украинским и др.) населением в демографической динамике и, во-вторых, устойчивое отрицательное сальдо миграций русскоязычного населения. Отток русского населения из северокавказских республик начался еще в позднесоветскую эпоху, но он резко усилился после распада СССР. В конце XX – начале XXI в. многие русские предпочли из республик уехать. Не имея, в отличие от представителей автохтонных народов и местных этнических диаспор, *клановой и большой семейной поддержки*, они стали чувствовать себя *менее защищенными* в условиях начавшейся в постсоветские годы ломки привычного образа жизни. Им стало слож-

нее, чем представителям титульных национальностей, устраиваться на работу (в том числе в наиболее престижных экономических сферах), менее определенными оказались карьерные перспективы детей, быстрое снижение уровня жизни не компенсировалось здесь ростом альтернативных возможностей приложения труда и др. Мотивами к выезду из северокавказских республик стали также *соображения безопасности*, межэтнические трения, рост социальной напряженности и, особенно, военные действия в Чечне в середине 1990-х и на рубеже 1990–2000-х гг.

Дагестан – этнически самый гетерогенный субъект федерации не только на Северном Кавказе, но и в России в целом. В свою очередь, самые этнически однородные республики – Чечня (доля чеченцев – 96%, 2021 г.) и Ингушетия; в этой самой маленькой по размерам в России республике, конституировавшейся только в 1992 г., на ингушей приходится более 92%, а на вайнахов в целом – около 98% жителей. Более половины населения республики приходится на один этнос также в Кабардино-Балкарии (кабардинцы) и в Северной Осетии (осетины). В Карачаево-Черкесии удельный вес крупнейшего народа – карачаевцев – составляет более 2/5 от общей численности населения, но совокупная доля обоих «титульных» народов (карачаевцев и черкесов) заметно превышает 50%, а трех основных «коренных» этносов республики (включая абазинцев, проживающих по большей части именно в Карачаево-Черкесии) достигает почти 3/5. Нехватка земли и ее скудость – главная причина постепенного исхода горцев на равнину. У вайнахов он начался еще в XVI–XVII вв., а в XX в. переселяться начали аварцы, даргинцы, лакцы. Данный процесс сопровождался многочисленными межэтническими земельными спорами и обострением этнотерриториальных антагонизмов.

Трансграничная специфика географического и геокультурного положения Северного Кавказа также проявляется здесь в характере этнических процессов. Так, важный актив трансграничной этнокультурной контактности в этом макрорегионе – расселение единых или близкородственных этнических общностей по обе стороны Главного Кавказского хребта. Крупнейшая из них – русские. Несмотря на большой отток этнических русских и других русскоязычных после распада СССР в Российскую Федерацию из Грузии, Азербайджана и (не имеющей с Россией

общей границы) Армении, в последних всё еще сохраняется значительный массив русского населения, широко распространен русский язык, укоренена русская культура. Разделены главным Кавказским хребтом и другие этносы – осетины (проживают в Северной и Южной Осетии и в других примыкающих к этим территориям регионах России и Грузии), лезгины (в Южном Дагестане и Северном Азербайджане), азербайджанцы (с компактным ареалом расселения вне Азербайджана – в Дербентском и отчасти Табасаранском районах Дагестана), чеченцы (в России и по южную сторону российско-грузинской границы на северо-западе Кахетии). На Северном Кавказе (в т. ч. и в северокавказских республиках) проживают также большие группы армян и грузин, хотя их расселение здесь, разумеется, гораздо более дисперсно, чем на Южном Кавказе, в пределах их национальных государств. Превращение бывшей административной границы после распада СССР в государственную затруднило коммуникацию разных групп одного и того же этноса, но не свело ее на нет.

В конце XX – начале XXI в., в условиях роста социально-политической напряженности и обострения социально-экономических проблем в разных странах и регионах Кавказа, трансграничность стала существенно влиять на географию миграционных потоков и, косвенно, этнокультурных процессов. Так, резкий рост численности лезгинского населения Дагестана (204,4 тыс. чел. в 1989 г., 336 тыс. чел. в 2002 г., 385,2 тыс. чел. в 2010 г., 417,0 тыс. чел. в 2021 г. [2, 3, 4, 16]) был продиктован (прежде всего, в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг.) не только высоким естественным приростом, но и сальдо внешних миграций – резким превышением оттока лезгин из Азербайджана в Россию над их (крайне незначительным) притоком из России в Азербайджан. Во многом это было реакцией на более тяжелую экономическую ситуацию в Азербайджане в 1990-е гг. по сравнению с РФ, а также бедствия вследствие Карабахской войны и связанного с этим массового притока азербайджанцев из Нагорного Карабаха и Армении и др.

Этнокультурное «измерение» модернизации в условиях Северного Кавказа. Процесс модернизации традиционных северокавказских обществ начался еще в период Российской империи и продолжился в советскую эпоху, когда под специфическим воздействием «социалистических» преобразований, ускоренной индустриализации и ур-

банизации, он, в известном смысле, даже ускорился. В существенной мере он повлиял и на соционормативную культуру горцев (особенности их общественной организации, правовые институты и ментальность).

И в начале, и в конце советской эпохи Северный Кавказ сохранял существенно больше элементов «традиционного» уклада, чем большинство других регионов России. В имперский и советский периоды главными пространственными фокусами модернизации на Северном Кавказе были города, но они во многом сохраняли «анклавный» характер, будучи слабо связанными со своими хинтерландами и основными ареалами этнического расселения и выступая узлами концентрации русских и русскоязычных переселенцев (Грозный, Владикавказ, Нальчик, Махачкала и др.). При всём же этнокультурном разнообразии северокавказских горцев, сильно отличающихся друг от друга по языкам, этническому происхождению, религиозным воззрениям, нравам и местным культурным особенностям, их объединяло и по сей день объединяет очень многое (сохранение важнейших элементов клановой организации, гендерный и возрастной иерархизм, приверженность родовым, семейным, фамильным ценностям и др.).

Исторически сложившаяся *конфессиональная структура* – один из важнейших этнокультурных регуляторов процессов модернизации общества в условиях Северного Кавказа. Хотя в макрорегионе сходятся две мировые религии – христианство и ислам, конфессиональность на Кавказе теснейшим образом связана именно с этничностью. Большинство горских народов до начала (здесь сравнительно «поздней», по макроисторическим меркам) исламизации были, в большей или меньшей мере, христианизированы, и, соответственно, ислам здесь вытеснял не только разные языческие верования, но и пустившее глубокие корни христианство. Специфика последующей социокультурной эволюции горских обществ Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа во многом была обусловлена тем, что в них получили распространение разные ветви суннитского¹ ислама. Среди адыгских народов, части осетин и западно-кавказских тюрков (носителей карачаево-балкарского языка) утвердился ислам ханафитского мазхаба, а среди вайнахов и даге-

---

¹ Шиизм, в отличие от суннизма, на Северном Кавказе не получил большого распространения, за исключением Южного Дагестана (приграничных с Азербайджаном районов). Даже в целом по Дагестану доля шиитов в составе верующего населения составляет всего около 4% (в основном это азербайджанцы и небольшие группы лезгин и цахуров).

станских этносов (включая тюркоязычных кумыков, но исключая ногайцев, большинство которых ханафиты) – суннизм шафиитского мазхаба. Соответственно, суфизм, а затем (во времена Гази Мухаммада и имама Шамиля) и более органичный шафиитскому мазхабу мюридизм приобрели в Дагестане и Чечне гораздо большее значение, чем на Северо-Западном Кавказе.

Наступление на ислам, развернутое после установления советской власти, в шафиитской части Северного Кавказа встретило намного более ожесточенное сопротивление, чем на западе макрорегиона (к тому же особенно пострадавшего, тогда еще в недавнем прошлом, от мухаджирства – массового исхода горцев-мусульман в единоверную Оттоманскую Порту после российского завоевания Горского Кавказа). На Северо-Западном Кавказе уже в течение первых десятилетий советской власти, по мере насаждения атеистической идеологии, значительная часть автохтонного населения реально стала отходить от религиозных практик, но культурное значение исламской традиции оставалось очень большим. Ислам ведь жестко не разделяет светскую и духовную стороны жизни человека, в сознании мусульман «исламское» и «народное» неразрывно связаны; в советские годы многие жители Кабардино-Балкарии или Карачаево-Черкесии, воспитанные в мусульманской традиции, продолжали придерживаться исламских обычаев и обрядов, воспринимая их как народные, а не религиозные. В Дагестане же и Чечено-Ингушетии успехи антирелигиозной политики оказались гораздо более скромными (и это, несмотря на чудовищный размах репрессий против мусульманского духовенства, особенно в 1930–1940-е гг.), здесь многие мусульманские общины продолжали функционировать, *официально не афишируя свой статус*. Огромную роль в сохранении ислама здесь сыграл суфизм; даже во время сталинских депортаций чеченцы и ингуши сохранились как этносы, во многом за счет сплочения вокруг своих тейпов, суфийских братств и практик (вирдов). На Северо-Восточном Кавказе бережно хранились традиции исламской учености, мусульманского ритуала и др. В Чечено-Ингушетии в начале 1980-х гг., еще до начала перестройки, число незарегистрированных мечетей в несколько десятков раз превосходило число официально действующих [7, с. 256].

С конца 1980-х гг. религиозные организации получили возможность действовать открыто, но полноценное «религиозное возрождение»

на Северном Кавказе развернулось уже в постсоветский период. В конце XX – начале XXI в. здесь были открыты несколько тысяч мечетей, построены сотни новых православных храмов. В этнокультурном аспекте особый исследовательский интерес представляет быстрый подъем ислама. В Дагестане и Чечне в позднесоветские и первые постсоветские годы он был органичен в том смысле, что здесь он выходил из «полудремотного» состояния, как бы легализовался. В Кабардино-Балкарии же, Карачаево-Черкесии и Адыгее данный процесс являл собой возрождение (в полном смысле слова) полузабытой великой религии. Вместе с тем исламский «ренессанс» актуализировал в 1990–2000-е гг., особенно на Северо-Западном Кавказе, но также и в полиэтничном Дагестане, старо-новый вопрос о соотношении религиозной и этнической идентичности, мусульманских и этнонациональных ценностей, «исламской идеологии» и этнического национализма.

Вопрос, *в какой степени процесс возрождения ислама может быть вписан в контекст модернизации этнически мозаичного Северокавказского макрорегиона*, неоднозначен. В корне неверно рассматривать данный процесс как движение «вспять прогрессу», якобы однозначно противостоящее модернизации. Напротив, исламизация может дать реальный толчок модернизации этнической жизни (например, развитию среднего и высшего образования – пусть даже и с мусульманской фокусировкой), способствовать «позитивной» селекции традиционных институтов и «выбраковке» тех архаичных институтов, которые не смогут быть востребованы для решения задач эффективного социально-экономического и социокультурного развития. Вместе с тем, конечно же, нельзя недооценивать деструктивный потенциал так называемого радикального ислама, хотя масштабы его распространения на Северном Кавказе сравнительно невелики.

Клановая структура северокавказских обществ претерпела в XIX–XX вв. огромные изменения, но полностью не исчезла (фактически сохранилось деление даже на *тухумы* – большие и иерархически устроенные кланы, включающие в себя менее крупные) [14 и др.]. Однако нынешние северокавказские кланы – это в большей степени территориальные группировки (этнически гомогенные, но весьма разнородные в социальном отношении), а не «большие семьи», связанные родством, как это было в досоветскую эпоху. Не вызывает сомнений, что в совре-

менных условиях многие инвестиционные проекты и бизнес-решения могут оказаться неудачными именно потому, что их акторы недооценивают значение фактора «клановости» на Северном Кавказе.

Для горских народов Северного Кавказа традиционные институты остаются **ключевыми регуляторами социально-экономического и политического развития**. Внутри этнических сообществ зримо проявляется конкуренция *тейпов, родов, фамилий* (с консолидацией вокруг себя групп поддержки из родственников, друзей и т. п.), которая зачастую институционализируется в *этнократии*, Происходит усиление *межэтнической и межклановой конкуренции* за ресурсы, земли, за разные институциональные и социальные ниши (особенно выпукло данный процесс проявляется в предельно полиэтничном Дагестане), концентрация этнополитических и «властных» элит в крупных городах, прежде всего в республиканских столицах. Самоорганизация социума на этнократических началах в полиэтничных регионах имеет, несомненно, немало негативных сторон, неблагоприятных с точки зрения перспектив модернизации, но, с другой стороны, межклановая конкуренция может выступать реальным *драйвером локального развития*.

Да и вообще жесткое разведение институций, работающих якобы только «на» модернизацию или «против» нее (о чем нередко пишут не только в СМИ, но и в научных трудах), представляется автору этой статьи некоторым упрощением. Более того, многое из унаследованных традиций коренных народов Северного Кавказа (крепость браков, многодетность – в сравнении со славянским населением макрорегиона, взаимоподдержка, уважительное отношение к семейно-родственным устоям и др.) может служить как раз *«активом» модернизации* и весомым конкурентным преимуществом этих этносов.

В современном общественно-политическом дискурсе Северный Кавказ иногда позиционируется как не только наиболее проблемный, но и наиболее «конфликтный» регион России. Есть расхожее мнение, что конфликты и насилие на Северном Кавказе суть производное якобы от бедности местного населения, их неудовлетворенности своим социальным статусом, цивилизационно-культурной специфики макрорегиона¹;

---

¹ Некоторые из подобных представлений либо просто не соответствуют действительности, либо являются явным преувеличением или искажением реальной ситуации. Состояние здоровья жителей Северного Кавказа (в т. ч. и его национальных республик) благополучнее, чем в целом по России; средняя продолжительность жизни представителей многих кавказских национальностей

зачастую его «конфликтность» напрямую связывается с его этническим составом и этнографическим плюрализмом. В свете вышесказанного можно с большим основанием утверждать, что это не так. Многие базовые конфликты в современном северокавказском обществе приобретают этническую оболочку, но крайне малоубедительны трактовки этнических различий как таковых в качестве причин или источников таких конфликтов. Большой частью в конфликтах, именуемых этническими, **этничность выступает в качестве удобной формы мобилизации** (более или менее) широких масс людей, разных социальных групп для достижения либо прагматических (борьба за передел земель, за ресурсы, за статусы и т. п.), либо разного рода «идеальных», «сакральных» и прочих целей.

Заключение. Перспективы социокультурного и социально-экономического развития Северного Кавказа в огромной степени будут зависеть от соотношения двух групп факторов – *трендов модернизации самих местных горских сообществ* (ее направленности, темпов и характера) и *судьбы русской культуры* в этом макрорегионе. Сохранение достаточно широкого пространства действия русского языка, русской культуры и самих ее носителей жизненно важно для Северного Кавказа; на протяжении уже более двух веков именно это, во многом, обеспечивало, в том числе, социальные лифты представителям автохтонных северокавказских народов и задавало вектор экономического развития. В обозримом будущем продолжающаяся дерусификация Северного Кавказа, видимо, исторически неизбежна (по крайней мере, по демографическим причинам [13]), но важно максимально тормозить данный процесс и уж в любом случае не допустить, чтобы он имел катастрофические последствия для местного социума и экономики¹.

В теории модернизации принято выделять два принципиально разных типа: модернизацию «сверху» и модернизацию «снизу». Опыт «догоняющей» социально-экономической модернизации первого типа

также выше, чем в целом по стране (феномен «кавказского долголетия»!), а по показателям рождаемости – существенно выше. Расхожее представление о Северном Кавказе как сплошной «зоне бедности» на общероссийском фоне также не выдерживает критики. Показатели уровня развития сферы среднего и высшего образования в СКФО, в т. ч. в разрезе коренных национальностей этого макрорегиона, также выглядят на среднероссийском фоне очень неплохо (по крайней мере, количественные параметры развития данной сферы).

¹ Кроме того, конечно же, невозможно игнорировать и то обстоятельство, что русская культура была и пока все еще остается референтной и основополагающей для общероссийской (гражданской, общенациональной) идентичности жителей Северного Кавказа.

во многих развивающихся странах дал в XX в. неплохие результаты, но в современную эпоху, в новых институциональных условиях на стадии постиндустриального перехода, прежние сценарии модернизационного развития не всегда оказываются эффективными [15 и др.]. Характерные признаки модернизации первого типа – опора на централизованные институты развития, ведущая роль государства (при намного меньшем значении инициативы снизу), поддержка и финансирование крупных инвестиционных и иных связанных с ними модернизационных проектов. Именно по этим лекалам выстраивались модернизационные стратегии и в СССР, и в постсоветской России, в том числе и на Северном Кавказе. Главные минусы такого сценария модернизации: краткосрочность модернизационного рывка, его высокие социальные издержки, долговременные деструктивные последствия (деградация аграрного хозяйства, невосприимчивость к инновациям, неэффективное развитие мелкого и среднего производства и др.) [9]. Альтернативный подход предполагает максимальный учет в стратегии модернизации имеющегося человеческого капитала, поддержку местной институциональной среды развития, поощрение конкуренции, общественный диалог. И несомненно, эти активы модернизационного развития на Северном Кавказе имеются, их потенциал достаточно весом и может быть востребован.

При этом накопленный народами Северного Кавказа *исторический опыт прежних модернизаций* (имперского и «советского» периодов) – своего рода фундамент, от которого придется отталкиваться при определении перспектив социально-экономического развития этого макрорегиона, в том числе и при разработке его конкретных альтернативных и сценарных стратегий [10, 11]. Особенно значимым представляется *наследие модернизации позднесоветской эпохи* (1960–1980-х гг.), многие сегменты которой сохранить на Северном Кавказе просто необходимо. В их ряду – достаточно высокий уровень образования среди представителей коренных этносов; весьма внушительный слой научно-гуманитарной и творческой интеллигенции (к сожалению, гораздо «тоньше» он в научно-технической сфере, и это для Северного Кавказа существенный лимитирующий фактор экономического развития на новой волне социокультурной модернизации); большая укорененность городской культуры; существенно выросшая за последние полвека мо-

бильность местного населения – и социальная, и пространственная. Немаловажный ресурс развития – существование северокавказских диаспор в крупнейших городах России, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге, причем плотно интегрированных в столичные социумы.

Одно из ключевых условий эффективного социально-экономического развития СКФО – **снижение разного рода этнополитических рисков**: общее улучшение межэтнических и межконфессиональных отношений, преодоление последствий бывших и сохраняющихся этнических конфликтов и напряжений. С этим же неразрывно связаны и задачи **позитивного этнокультурного брендинга** Северного Кавказа. Значимые инвестиции могут вкладываться только в **безопасный и экономически привлекательный** регион. Но применительно к Северному Кавказу чрезвычайно важно его позиционирование и как макрорегиона, *привлекательного в этнокультурном отношении*. Уникальный этнографический плюрализм, богатейшие исторические традиции и культурное наследие самых разных народов, соцветие языков, религий и образов жизни (вкуче, к тому же, с исключительным ландшафтным разнообразием, природными богатствами и красотами данного макрорегиона) – это мощный ресурс развития.

Таблица 1

Численность и удельные веса «титულных» этносов и русских в автономных республиках и автономных областях на Северном Кавказе в 1989 г. (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

Республики и авт. области	Все население, тыс. чел.	«Титульные» этносы, тыс. чел.	«Титульные» этносы, %	Русские, тыс. чел.	Русские, %
Адыгейская АО	432,0	95,4	22,1	293,6	68,0
Карачаево-Черкесская АО	415,0	169,7*	40,9	175,9	42,4
Кабардино-Балкарская АССР	753,5	434,3**	57,6	240,7	32,0
Северо-Осетинская АССР	632,4	334,9	52,9	189,2	29,9
Чечено-Ингушская АССР	1270,4	898,3***	70,7	293,8	23,1
Дагестанская АССР	1802,2	1444,8****	80,2	165,9	9,2

* карачаевцы и черкесы

** кабардинцы и балкарцы

*** чеченцы и ингуши

**** аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногойцы, рутульцы, агулы и цахуры. Эти 10 этносов в сводной статистике иногда объединяются под общим названием «дагестанские народы». Таким образом, в суммарном показателе в данном случае не учтены многие коренные народы Дагестана, уступающие по численности этим десяти.

Источник: [2]

Таблица 2

**Численность и удельные веса «титულных» этносов и русских
в республиках Северного Кавказа в 2021 г.
(по данным Всероссийской переписи населения 2021 г.)**

Республики	Все население, тыс. чел.	«Титульные» этносы, тыс. чел.	«Титульные» этносы, %	Русские, тыс. чел.	Русские, %
Адыгея	496,9	98,1	19,7	287,8	57,9
Карачаево-Черкесия	469,9	264,4*	56,3	127,6	27,2
Кабардино-Балкария	904,2	623,5**	69,0	174,8	19,3
Северная Осетия-Алания	687,4	439,9	64,0	122,2	17,8
Ингушетия	509,5	473,4	92,9	3,3	0,7
Чечня	1510,8	1456,8	96,4	18,2	1,2
Дагестан	3182,1	2784,0***	87,5	102,2	3,2

* карачаевцы и черкесы

** кабардинцы и балкарцы

*** аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногойцы, рутульцы, агулы и цахуры. Эти 10 этносов в сводной статистике иногда объединяются под общим названием «дагестанские народы». Таким образом, в суммарном показателе в данном случае не учтены многие коренные народы Дагестана, уступающие по численности этим десяти.

Источник: [16]

Список литературы

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : ОГИ, 2005. 304 с.

2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. М. : Республиканский информ.-издат. центр, 1990. 747 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. М. : ИМЦ «Статистика России», 2004. 2076 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. М. : Госстатиздат, 2012. 2234 с.
5. Манаков А. Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 годов // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128.
6. Набиева У. Н. Культурная география Дагестана. М. : Институт Наследия, 2002. 210 с.
7. Российский Кавказ / под ред. В. А. Тишкова. М. : ФГНУ «Росинформагротех», 2007. 384 с.
8. Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3(25). С. 138–153.
9. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов, Т. П. Интигринова, Н. И. Миронова, Х. Г. Магомедов. М. : Дело, РАНХиГС, 2014. 328 с.
10. Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 3. С. 112–137.
11. Стародубровская И. В., Ситкевич Д. А. Стратегия развития Северного Кавказа: основные вызовы // Экономическая политика. 2022. Т. 17, № 3. С. 74–97.
12. Стрелецкий В. Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Российская АН. Ин-т географии / под общ. ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М. : Изд-во МГТУ, 2011. С. 146–176.

13. Суций С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 115–140.

14. Чеченцы: история и современность / отв. ред. Ю. А. Айдаев. М.: Изд-во «Мир твоему дому», 1996. 351 с.

15. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2005. 344 p.

16. Population Statistics of Eastern Europe and Former USSR 2021. URL: <http://pop-stat.mashke.org/russia-ethnic2021.htm> (дата обращения: 01.07.2024).

***Cultural and geographical aspects of modernization
of mountain societies in North Caucasus:
historical experience and post-soviet trends***

Prof. Vladimir Streletsky

Dr. of Science (Geography), Head of Department of Social and Economic Geography, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)
ORCID 0000-0002-5359-3124, Researcher ID: D-3417-2019
E-mail: vstreletski@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is a geohistorical analysis of some cultural and geographical aspects of the modernization of mountain societies based on materials from the North Caucasus. The trends and historic-geographical features of the modernization of traditional mountain peoples at different historical stages and in different ethnocultural macroregions of the North Caucasus are compared. The impact of modernization on the socionormative culture on the mountain peoples in different regions of the North Caucasus, the role of confessional factors, as well as inter-clan competition and shifts in the traditional clan structure as regulators of modernization processes are assessed. Particular attention is paid to the sociocultural trends of the Post-Soviet period (1991-2023) in the context of the ethnostructural, ethnodemographic and ethnoterritorial shifts that occurred during this time. The prospects for the socio-cultural and socio-economic development of the republics of the North Caucasus are discussed through the prism of various factors and cultural and geographical features of the modernization process.

Keywords: North Caucasus, mountain peoples, modernization, ethnic settlement patterns, ethnodemographic and ethnocultural shifts.